

Шэнь Сюйбай снял очки. Глаза у него были выразительными, с изящно приподнятыми уголками, а на самом кончике носа темнела аккуратная родинка.

Закрыв блокнот, он вышел из кабинета — пора было разобраться с упрямым мальчишкой, категорически отказывавшимся идти в ванную.

Пока Шэнь Сюйбай не было, веревки с рук Гу Се успели снять. Впрочем, тихие уговаривания прислуги ни к чему не привели: мальчишка забился в самый дальний угол и, словно дикий, напуганный кот, исподлобья вьелся настороженным, мрачным взглядом в присутствующих.

Каждым жестом он давал понять: приближаться не стоит. Одна из прислуги, женщина понапористее, попыталась силой вытащить его из укрытия. Едва она схватила его за руку и потянула на себя, как тут же получила отчаянный, болезненный пинок.

— Неблагодарный! Мы же тебе добра желаем!

Женщина едва не разрыдалась от боли. В семье Шэнь к ней никогда так не относились.

— Кого только господин Шэнь привел в дом?! — всплеснула она руками.

Шэнь Сюйбай, спускавшийся по лестнице, как раз застал эту сцену.

Завидев хозяина, домработницы тут же наперебой принялись жаловаться: мол, они и так, и эдак пытались выманить мальчишку, а потянули за руку только потому, что тот был весь в грязи и мог испачкать дорогие ковры. А он возьми и взбесись, словно сумасшедший!

Гу Се сидел под столом. В темноте блестели лишь его налитые мраком глаза. Он не ронял ни слова.

Шэнь Сюйбай подошел к нему и опустился на корточки. Ребенок тут же отшатнулся еще дальше, в его зрачках мелькнул испуг. И тут Шэнь Сюйбай уловил отчетливый запах крови.

Нахмурившись, он обернулся к служанке:

— Вы что, не видели, что у него рука окровавлена? И после этого вы смели его тащить?

Напористая женщина мгновенно сбилась с тона и залепетала:

— Простите, господин... Я не заметила...

— Если у вас не хватает внимания и терпения, сомневаюсь, что вы подходите для этой работы,

— отрезал Шэнь Сюйбай, не скрывая жесткости.

Платил он прислуге щедро. Почти все время живя за границей, он доверил управление особняком дворецкому, однако оставался работодателем. И хотя Шэнь Сюйбай не отличался придиричивостью, потакать профнепригодности и содержать дармоедов не собирался.

К тому же Гу Се сейчас был его главным инвестиционным проектом. Что делать, если они его испортят?

Мальчик сжался в комок под столом, но исподтишка следил за женщиной.

Дав служанке немного помучиться в излияниях раскаяния, Шэнь Сюйбай скупно кивнул:

— Чтобы это было в последний раз.

— Слушаюсь, господин!

Когда женщина сбежала, Шэнь Сюйбай велел дяде Чжоу принести аптечку, а сам снова обратился к ребенку:

— Вылезай. Рану надо обработать.

Гу Се пристально посмотрел на него и, опустив голову, промолчал.

— Гу Се, — Шэнь Сюйбай смягчил голос. — Это не дом семьи Гу. Я твой дядя, моя фамилия — Шэнь. Ты ведь умный мальчик. Понимаешь, почему я забрал тебя, и знаешь, что у меня нет никаких причин причинять тебе вред. Я просто хочу перевязать рану. Не разочаровывай меня, идет?

Трудно сказать, что именно задело нужную струну в душе ребенка — то ли слова мужчины, то ли осознание собственной беспомощности в чужих стенах. Поразмыслив пару мгновений, мальчик медленно вылез из-под стола.

Чем ближе он подходил, тем более жуткое зрелище открывалось перед глазами Шэнь Сюйбая. Лицо мальчика вымыли, но на нем пестрели кровоподтеки и мелкие ссадины, некоторые уже взялись корочкой. Из-под рукава испачканного грязью черного худи сочилась кровь, стекая по худым пальцам.

Гу Се казался истощенным до предела — под мешковатой одеждой угадывался лишь обтянутый кожей скелет.

Шэнь Сюйбай перевел дыхание и принял из рук дяди Чжоу перевязочные материалы. Пожилой дворецкий, заметив замешательство хозяина, сам подал йодоформовый антисептик, стерильные салфетки, ватные шарики, заживляющую мазь и бинты.

Порывавшаяся помочь служанка снова сделала шаг вперед, но при ее приближении мальчик едва не забился в судорогах. Шэнь Сюйбай отослал весь персонал прочь.

Вспомнив короткие инструкции дяди Чжоу, он сперва ватным диском счистил грязь с поврежденных участков, затем обработал раны антисептиком и нанес мазь.

Маленький злодей задрал подбородок. Шэнь Сюйбай аккуратно обрабатывал ссадины на его лице. У мальчишки были крупные глаза и породистые, четко очерченные черты. «Отличная костная структура», — с удовлетворением отметил про себя Шэнь Сюйбай.

Но стоило ему случайно задеть травмированное предплечье, как ребенок отпрянул, словно испуганная птица.

Однако спустя секунду мальчик пересилил себя и снова шагнул к нему.

Шэнь Сюйбай понимал, что этот страх вбит на уровне инстинктов, и в душе закипало негодование. На дворе двадцать первый век — как семья Гу умудрилась довести ребенка до того, что он панически боится любого человеческого прикосновения?

«Господин... А может, вы просто задели свежую рану, и мальчику банально больно?» — мысленно вздохнул дядя Чжоу.

Шэнь Сюйбай набрал номер и твердо произнес в трубку:

— Цинь Сюнь, приезжай. Срочно.

Цинь Сюнь был его другом детства. В свое время тот наотрез отказался идти по стопам отца и выбрал медицину, за что был выгнан из дома. Тогда Шэнь Сюйбай поддержал его финансами и помог открыть частную клинику.

Вскоре прибыл доктор — мужественный, статный мужчина в отглаженном костюме.

Поскольку Гу Се панически не подпускал к себе чужака, Цинь Сюню пришлось ограничиться фотофиксацией травм, а Шэнь Сюйбай под его чутким руководством заново перевязал поврежденную руку.

Стянув медицинские перчатки, Шэнь Сюйбай произнес:

— Ему нужно полное обследование.

— В таком состоянии везти его в клинику опаснее, — покачал головой Цинь Сюнь. — У мальчишки тяжелейшая психологическая травма. Ему уже одиннадцать, возраст осознанный. Если не привести его ментальное здоровье в норму, это чревато депрессией, деформацией личности, социопатией, вспышками агрессии и даже склонностью к суициду.

Внезапно доктор осекся — по его спине пробежал мороз. Из-за спины Шэнь Суйбай на него уставился мальчик. Гу Се чуть приподнял подбородок, хотя спутанная челка скрывала глаза.

Цинь Сюню показалось, будто он стал персонажем хоррора, на которого в упор смотрит малолетний психопат. Речь сама собой сошла на нет.

Шэнь Суйбай же не принял опасения врача всерьез. Да, в романе главный злодей был безумен, но это во взрослом возрасте! Сейчас же перед ним сидел вполне обычный ребенок, ведомый лишь понятной ненавистью к роду Гу.

А уж пока он рядом, Гу Се вырастет здоровым и правильным человеком.

— Угу, угу, очень интересно, — отмахнулся он.

Повернувшись, Шэнь Суйбай опустился перед мальчиком. Гу Се не отходил далеко, но все еще сжимался, опустив голову, будто пытался врасти в пол.

Вид у него был до того несчастный, что Шэнь Суйбай лишь укреплялся в своей правоте.

— Тебе всего одиннадцать, — тихо, доверительно сказал он ребенку. — То, что вытворяли в доме Гу — прямая статья за домашнее насилие над несовершеннолетними. Завтра мы зафиксируем побои, и я отправлю твоему отцу повестку в суд. Что скажешь?

Шутки шутками, но на дворе правовое государство. За насилие над ребенком Гу отгребут по полной — одной газетной шумихи хватит, чтобы они захлебнулись.

Цинь Сюнь посмотрел на друга со смешанными чувствами: «Серьезно? Говорить об этом с одиннадцатилетним пацаном?»

Гу Се медленно поднял голову. В его темных глазах блеснула странная, нечитаемая эмоция.

«Такой урод никому не нужен. Неудивительно, что его мать сдохла».

«Какое счастье было бы для семьи Гу, если бы он не родился».

С самых малых лет он знал: он здесь лишний. Ему не на кого опереться. Права или виновата сторона — виновным всегда сделают его. Поэтому Гу Се давно перестал оправдываться. Какой смысл? Он просто запоминал обиды и жалел лишь об одном — что не дал сдачи больно и до конца.

Он не умел плакать и не жалел себя. Единственным его желанием было вырасти. Как можно скорее.

Мальчик не понимал, зачем этот незнакомый мужчина привел его к себе. Неожидавшее заступничество даже жгло стыдом: всю жизнь его считали паршивой овцой, и вдруг кто-то говорит, что он ни в чем не виноват, а кругом одни мерзавцы?

Ему не нужны подачки! Ему не сочувствие требуется!

Сжав кулаки, Гу Се вскинул взор, готовый огрызнуться, но наткнулся на мягкую, теплую улыбку Шэнь Сюйбая.

— Идет? — с тихой лаской переспросил тот.

Ребенок замер. Огонь сухой ярости спал, он снова уткнулся взглядом в пол и спустя долгую паузу едва слышно буркнул:

— Угу.

Шэнь Сюйбай довольно улыбнулся.

«Именно. Ненависть — единственный стимул для злодея».

Он мягко опустил ладонь на спутанную макушку Гу Се и приглушенно проговорил:

— Вот и умница.

Мальчик сжался еще сильнее, пальцы до белизны суставов впились в ткань брюк.

Цинь Сюнь лишь покачал головой. Он слишком хорошо знал выражение лица Шэнь Сюйбая: когда тот так улыбался, значит, уже прикидывал, кого и как пустить по миру.

«Бедный пацан. Решил, небось, что встретил спасителя».

Покончив с перевязкой, Шэнь Сюйбай распорядился сварить легкую рисовую кашу: судя по истощению, в семье Гу мальчишку морили голодом, так что набрасываться на тяжелую пищу

ему сейчас противопоказано.

Затем, сверяясь с указаниями Цинь Сюня, он составил подробный распорядок дня для своего подопечного.

Все это время Гу Се неподвижно сидел на отведенном ему месте.

«И как такого послушного ребенка довели до сумасшествия?» — искренне недоумевал Шэнь Сюйбай.

Он попросил дядю Чжоу проводить мальчика в ванную и помочь переодеться, однако тот не смог даже прикоснуться к Гу Се — тот отпихнул пожилого мужчину с такой яростью, что едва не сбил с ног. Ребенок оскалился, наполненный дикой, звериной агрессией.

Весь его вид говорил: «Только подойди — загрызу».

Дворецкий беспомощно развел руками.

На этот раз сплеховал и сам Шэнь Сюйбай: завидев хозяина дома, щенок рванул прочь с невероятной прытью. Раздосадованный Шэнь Сюйбай снова достал веревку:

— Вяжите его!

Слугам потребовалось немало сил, чтобы скрутить и связать юного бунтаря. В чехарде Гу Се случайно заехал Шэнь Сюйбаю по предплечью, отчего тот болезненно поморщился.

Наконец мальчик оказался связанным прямо в сухой ванне. Он смотрел на всех с нескрываемой лютой ненавистью, но детские, все еще пухлые щеки сводили на нет всю угрозу.

Шэнь Сюйбай оглядел его сверху вниз, размышляя. Ребенок панически боялся именно процесса мытья. Боялся разоблачить свое тело? Или причина кроется в чем-то ином?

Повернувшись к слугам, Шэнь Сюйбай распорядился:

— Я вымою его сам. Выйдите.

— Я... сам, — дрожащим от напряжения голосом выдавил Гу Се.

Никто не должен был видеть этого. Никто!

Прошлой ночью его на всю ночь заперли в тесном, полуразрушенном чулане. Там не было ни туалета, ни ручкомойника. Когда он проснулся в темноте и кричал, зовя на помощь, никто не откликнулся. В конце концов мальчик просто не сдержался и испачкал штаны.

Если этот мужчина узнает... Гордость и стыд жгли изнутри сильнее любых ран.

— Договорились, — согласился Шэнь Сюйбай настолько быстро, будто только этого и ждал. — Это правильный подход. Ты должен уметь выражать свои желания словами, а не кидаться на людей.

Он расстегнул пуговицы на манжетах и закатал рукава, обнажив белоснежные запястья, на которых наливалась багровая ссадина от удара.

Гу Се мгновенно затих. Встретившись взглядом со свежей раной на руке мужчины, он крепко сжал губы.

— Отныне я твой опекун, — ровным, спокойным тоном заговорил Шэнь Сюйбай. — Ты больше не брошенный ребенок семьи Гу. Ты мой наследник. Если тебе что-то нужно — говори прямо, а не устраивай бунт.

— Запомни: я единственный человек, который будет заботиться о тебе без бесконечных условий, — мягко, шаг за шагом внушал он. — Сейчас ты можешь мне не верить. Время покажет. Но пока ты в моем доме, соблюдай правила и слушайся меня. Если ты сможешь вымыться сам, не намочив повязок, я дам тебе свободу действий.

Голос Шэнь Сюйбая смягчился, став почти нежным:

— Справишься, малыш Гу Се?

Пальцы мальчика впились в веревки. Он снова задержал взгляд на покрасневшем запястье мужчины и медленно, с усилием кивнул.

— На первый раз прощаю, — удовлетворенно улыбнулся Шэнь Сюйбай.

Выйдя из ванной, он бросил выразительный взгляд на подслушивавшего у дверей Цинь Сюня и увлек его за собой в соседнюю комнату.

Там было установлено полупрозрачное зеркало Гезелла.

Цинь Сюнь уставился на отражение: за стеклом мальчик с отчаянным усердием застирывал испачканные вещи. Затем доктор перевел взгляд на спокойное лицо Шэнь Сюйбая.

«Страшный ты человек...»

<http://bllate.org/book/20125/1993080>